

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ХЕРСОН В СФЕРЕ ИНТЕРЕСОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ДВОРА ПО ДАННЫМ ИМПЕРАТОРСКИХ МОЛИВДОВУЛОВ

Одним из проявлений особой заинтересованности византийской державы в Херсоне — проводнике и защитнике имперских интересов в Северном Причерноморье, безусловно, является особое внимание к этому центру со стороны византийских императоров. Письменные источники и памятники эпиграфики, свидетельствуют о постоянной заботе центральной власти о совершенствовании обороноспособности города. Не менее важными источниками являются подвесные свинцовые печати (моливдовулы), прикреплявшиеся к императорским указам, адресованным херсонским властям. К сожалению, время не сохранило ни одного такого документа. Мы не знаем, кому и по какому поводу они присылались в Херсон. Об этом можно лишь догадываться, учитывая ту исключительно важную роль, которую выполнял город в сфере широких интересов Византии в Северном Причерноморье.

До недавнего времени было известно 9 императорских моливдовулов, найденных на территории Херсонесского городища и изданных И. В. Соколовой [1, с. 204-205]. Причем местонахождение двух из них, происходящих из раскопок прошлого века и относящихся к императорам Трапезундской империи [2, с. 11; 3, с. 121; 4, с. 94], к сожалению, на сегодняшний день не известно. В последнее время автором настоящей работы был опубликован еще один императорский моливдовул — с именем Маврикия Тиберия, относящийся к первым полутора годам его правления [5, с. 158-160]. Открытие комплекса печатей предполагаемого архива Херсона [6, р. 8414], а также привлечение печатей из частных собраний несколько пополнили эту группу памятников. Их находки в Херсоне, по нашему мнению, не только отражают значительную заинтересованность византийского двора в этом провинциальном центре в различные периоды его истории, но и помогают уточнить его роль и место в формировании международных отношений в регионе.

Среди византийских печатей, обнаруженных в Херсоне в последние годы, выявлено еще 11 экз. императорских. В абсолютном большинстве своем они принадлежат ранневизантийским императорам VI-VII вв.

1. Анастасий I (491-518), рис. 1, 1.

Собрание А. Финенко. Не издана. Аналогии: Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Berne, 1972. Pt. 1. p. 5, 1; Barnea I. Sceaux des empereurs byzantins decouvert en Romanic // Byzantina. — 1971. — Т. 3; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 204. — 1.

Док. 18 mm. Д поля печати ок. 16 mm. Толщина ок. 4 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в шлеме с нимбом и диадеме с подвесками в фас. На правом плече плащ заколот фибулой. Слева сохранилась часть круговой надписи:

[D]NANACT <ASIVS PP AVG> =

[D(ominus)] n(oster) Anast<asius p(er)p(etuus) Aug(ustus)>

Реверс. Крылатая Виктория, стоящая на сфере, анфас, держащая в поднятых руках по венку. Легенды нет.

2. Юстиниан I (527-565), рис. 1, 2.

Собрание В. Хорошуна. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. S. 58-59, 6 (с библиографией); Barnea I. Sceaux des empereurs byzantins decouvert en Roumanie // Byzantina.— 1971.— Т. 3.— р. 151-153, 2-5; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ.— 1991.— Т. 52.— С. 204, Т. 2.

Д 17 mm. Д поля печати ок. 18 mm. Толщина ок. 3 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в нимбе в шлеме и жемчужной диадеме с двулучевыми подвесками в фас. По кругу латинская надпись:

DNIVS<TINIANVSPPAVG> =

D(ominus) n(oster) Ius<tinianus perp(etuus) Aug(ustus)>

Реверс. Крылатая богиня Победы (Ника) в рост, анфас с высокоподнятыми вверх руками, держащая в каждой по венку. По сторонам фигуры в поле две христорогмы (✕). Легенды нет.

3. Юстиниан I (527-565), рис. 1, 3.

Собрание Ю. Самойленко. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978.— s. 58-59, 6 (с библиографией); Barnea I. Sceaux des empereurs byzantins decouvert en Roumanie // Byzantina.— 1971.— Т. 3.— р. 151-153, 2-5; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ.— 1991.— Т. 52.— С. 204, 2.

Д 19x16 mm. Д поля печати ок. 18 mm. Толщина 2 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в нимбе в шлеме и жемчужной диадеме с двулучевыми подвесками в фас. По кругу латинская надпись:

[DNIVSTIN]IANVSPPAV =

D(ominus) n(oster) Ius<tinianus perp(etuus) Aug(ustus)>

Реверс. Крылатая богиня Победы (Ника) в рост, анфас с высокоподнятыми вверх руками, держащая в каждой по венку. По сторонам фигуры в поле два небольших крестика (✕). Легенды нет.

4. Юстиниан I (527-565), рис. 1, 4.

Собрание А. Коршенко. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978.— s. 58-59, 6 (с библиографией); Barnea I. Sceaux des empereurs byzantins decouvert en Roumanie // Byzantina., 1971.— Т. 3.— р. 151-153, 2-5; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ. 1991.— Т. 52.— с. 204.— 2.

Д 22x17 mm. Д поля печати 18 mm. Толщина ок. 3 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в жемчужной диадеме с двулучевыми подвесками в фас. По кругу латинская надпись не сохранилась.

Реверс. Крылатая богиня Победы (Ника) в рост, анфас. Легенды нет.

5. Юстиниан I (527-565), *рис. 1, 5.*

Собрание Ю. Самойленко. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978.— s. 58-59, 6 (с библиографией); Barnea I. Sceaux des empereurs byzantins decouvert en Romanie // Byzantina., 1971.— Т. 3.— р. 151-153, 2-5; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ.— 1991.— Т. 52.— С. 204.— 2.

Д ок. 19 mm. Д поля печати 18 mm. Толщина ок. 3 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в жемчужной диадеме с двухлучевыми подвесками в фас. По кругу латинская надпись не сохранилась.

Реверс. Крылатая богиня Победы (Ника) в рост, анфас. Легенды нет.

6. Тиберий Константин (578-582), *рис. 1, 6.*

Собрание А. Финенко. Не издана. Аналогии: Панченко Б. А. Каталог моливдовулов. София, 1908.— С. 37-38, 86 (87); Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров.— М., 1911.— С. 9, Рис. 20; Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978.— s. 61-63, 8.

Д ок. 22 mm. Д поля печати ок. 21 mm. Толщина 3 mm.

Аверс. Погрудное изображение императора в фас в жемчужной диадеме с двухлучевыми подвесками по сторонам, держащего в поднятой правой руке свиток. По кругу остатки плохо сохранившейся надписи:

<DmTibCONSTANTPPAVG>=

<D(ominus)n(oster)Tib(erius)Constant(inus)p(er)p(etuus)Aug(ustus)>

Изображение заключено в точечный ободок.

Реверс. Изображение креста, имеющего небольшие расширения на концах, стоящего на пяти (?) ступенях. По кругу надпись:

VICTO<RIAAVGG> = Victo[ria Avg(ustorum)]

Изображение заключено в точечный ободок.

7. Маврикий Тиберий (582-602), *рис. 1, 7.*

Собрание ИЗ «Херсонес Таврический». Инв. 17555. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978.— s. 63-65, 9 (с библиографией); Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.— Симферополь, 1995.— с. 158-160.

Д 18,5x15 mm. Д поля печати ок. 20 mm. Толщина 2,5 mm.

Аверс. Изображение Богоматери в рост анфас, держащей на груди перед собой младенца Христа. В поле по сторонам изображения на уровне груди Богоматери два небольших креста с расширяющимися концами (✱). Легенды нет.

Реверс. Погрудное изображение императора в жемчужной диадеме с двухлучевыми подвесками в фас. По кругу латинская надпись:

[DNM]AVR TIB[P]AVG]=

[D(ominus)n(oster)M]aur[ic]us[Tib(erius)p(er)p(etuus)Aug(ustus)]

8. Фока (602-610), *рис. 1, 8.*

Собрание А. Финенко. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich Wien, 1978, S. 65-67, 10 (с библиографией); Банк А. В. Византийское искусство. М.-Л., 1966. 119.

Д ок. 18 mm. Д поля печати ок. 20 mm. Толщина ок. 3 mm.

Аверс. Изображение Богоматери в рост анфас, держащей на груди перед собой медальон с изображением младенца И. Христа. В поле по сторонам изображения два длинных креста с расширяющимися концами. Легенды нет.

Реверс. Погрудное изображение императора с небольшой округлой бородой, анфас, держащего в правой руке сферу, увенчанную крестом. По кругу латинская надпись:

DNFOC[AS PERPAVG]=
D(ommu)s n(oster) Foc[as perp(er)tu]s Aug(ustus)]

9. Ираклий (610-641), *рис. 1, 9.*

Собрание Ю. Самойленко. Не издана. Аналогии: Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich, Wien, 1978.— S. 67-68, 11; Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911.— с. 13-14. Рис. 28; Панченко Б. А. Каталог моливдовулов.— София, 1908.— с. 135, 383 (413); табл. XIII, 8.

Д 24x20 mm. Д поля печати 19 mm. Толщина 1,5 mm.

Аверс. Изображение Богоматери в рост анфас, держащей на груди перед собой младенца И. Христа. В поле по сторонам изображения два креста с расширяющимися концами (✠). Легенды нет. Изображение заключено в точечный ободок.

Реверс. Погрудные изображения императора и его сына Ираклия Константина, одетых в мантии и короны, увенчанных крестами. Между головами императоров в поле небольшой крестик (✠). По кругу латинская надпись:

[DD]N[h]ERACL[IЧ]SE[Th]ERACONS]=
[D(omim)] n(ostri) Heracl[iu]s e[t Hera(c]lius) Cons(tantinus)]

Изображения заключены в точечный ободок.

10. Михаил III (842-867), *рис. 1, 10.*

Собрание Ю. Самойленко. Не издана. Аналогии: Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911.— с. 37-38, Рис. 70; Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Berne, 1972. Pt 1 p. 48, p. 54.

Д 32x17 mm. Д поля печати 30 mm. Толщина 2,5 mm.

Аверс. Восемиконечный патриарший крест на трех ступенях. По кругу остатки надписи:

EnOn[mTЧP]RS<TЧVVSTЧAGIЧPnS > 'Ev dv[(ó)μ(α)τ]ι τ(ο)ῦ Π(α)τ(ρ)ός (καί)
< τ(ο)ῦ 'Αγί(ο)υ Πν(εύ)ματος >

Реверс. Пятистрочная надпись в точечном ободке:

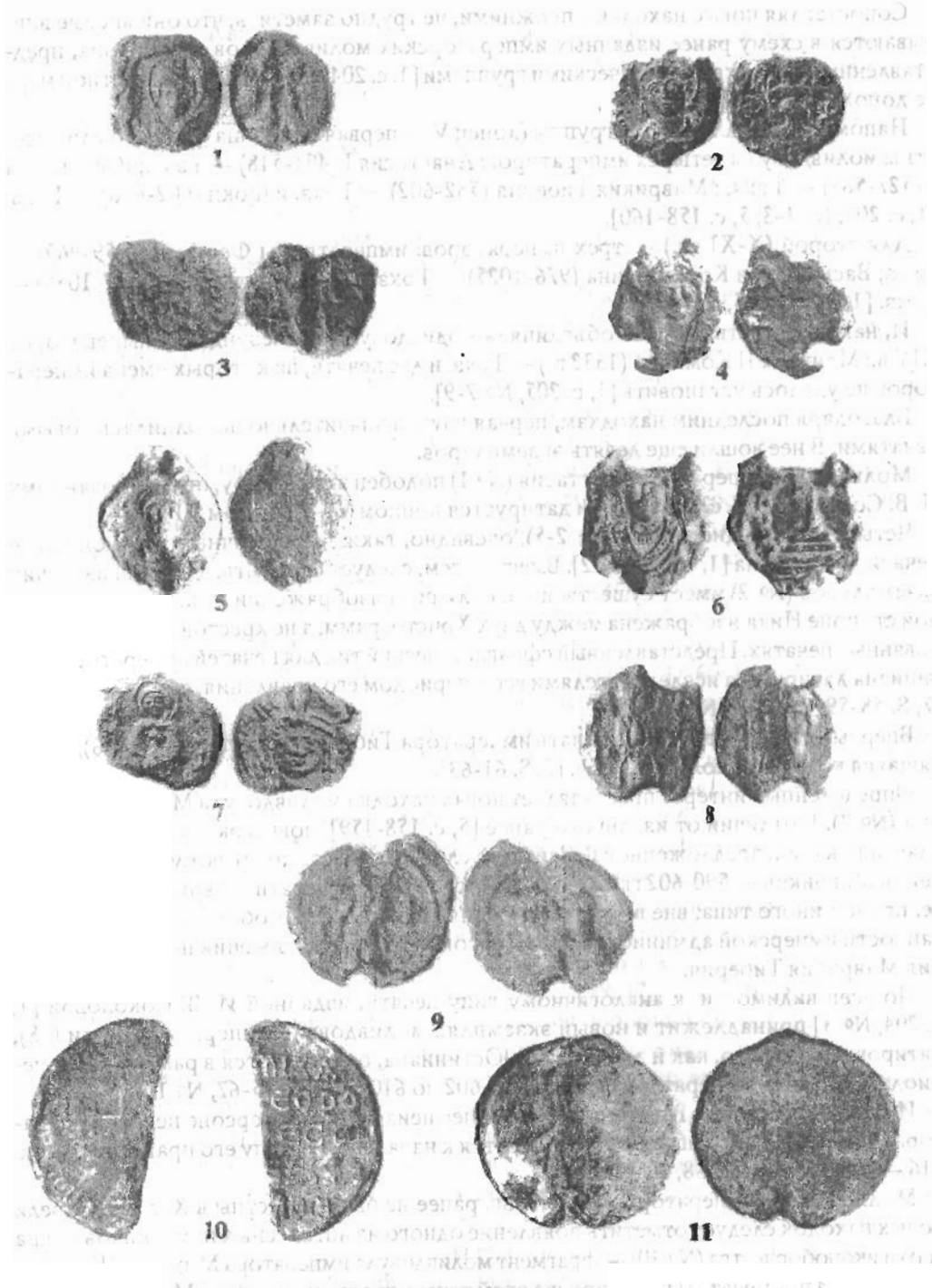
miXA / ... EODO / ... ECL[A] / ... EЧbAS / ... ROM
+ Miχa[η]l (xai) ⊙] eodo[ra (xai) ⊙] eccl[ec ⊙] eu bas[ilis] Rom(anion).

11. Неатрибутированный император [вероятно Константин VII (913-959)], *рис. 1.11.*

Собрание Ю. Самойленко. Не издана. Аналогии: Лихачев Н. Моливдовулы греческого Востока.— М., 1991.— с. 251-252. 9; табл. LXXVI, 9.

Д 29 mm. Д поля матрицы ок. 26 mm. Толщина 2 mm. Аверс. Погрудное изображение Христа Пантократора, держащего Евангелие. По сторонам изображения титла: [IC] — X[IC].

Реверс. Погрудное (поясное) изображение императора с державой в правой руке. Надписи не сохранились.

Рис. 1. Императорские печати из Херсоня

1 — Анастасия (491 — 518); 2 — 5 — Юстиниана I (527 — 565); 6 — Тиберия Константина (578 — 582); 7 — Маврикия Тиберия (582 — 602); 8 — Фоки (602 — 610); 9 — Ираклия (610 — 641); 10 — Михаила III (842 — 867); 11 — Константина VII (945 — 959).

Публикации
Р. М. Давыдов

Сопоставляя новые находки с прежними, не трудно заметить, что они вполне вписываются в схему ранее изданных императорских моливдовулов из Херсона, представленных тремя хронологическими группами [1, с. 204-205], и даже в известной мере ее дополняют.

Напомним, что для первой группы (конец V — первая половина VII вв.) были известны моливдовулы четырех императоров: Анастасия I (491-518) — 1 экз.; Юстиниана I (527-565) — 1 экз.; Маврикия Тиберия (582-602) — 1 экз. и Фоки (602-610) — 1 экз. [1, с. 204, № 1-3; 5, с. 158-160].

Для второй (X-XI вв.) — трех императоров: императрицы Феофано (959-969) — 1 экз.; Василия II и Константина (976-1025) — 1 экз. и Константина IX (1042-1055) — 1 экз. [1, с. 204-205, № 4-6].

И, наконец, третья группа объединяла моливдовулы трапезундских императоров XIV в.: Мануила II Комнина (1332 г.) — 1 экз. и две печати, на которых имена императоров не удалось установить [1, с. 205, № 7-9].

Благодаря последним находкам, первая группа значительно пополнилась новыми печатями. В нее вошли еще девять экземпляров.

Моливдовул императора Анастасия (№ 1) подобен экземпляру, опубликованному И. В. Соколовой [1, с. 205, № 1] и датируется концом V — началом VI вв.

Четыре следующие печати (№ 2-5), очевидно, также аналогичны изданной ранее печати Юстиниана [1, с. 204, № 2]. Вместе с тем, следует отметить, что один из наших экземпляров (№ 2) имеет существенное отличие в изображении, т. к. на его оборотной стороне Ника изображена между двух Христограмм, а не крестов, как на опубликованных печатях. Представленный сфрагистический тип для печатей императора Юстиниана датируется исследователями всем периодом его правления, т. е. 527 — 565 гг. [7, S. 58-59; 8, с. 132, № 211].

Впервые в Херсоне найдена печать императора Тиберия Константина (№ 6), относящаяся ко второй половине VI в. [7, S. 61-63].

Определенный интерес представляет новая находка моливдовула Маврикия Тиберия (№ 7). В отличие от изданного ранее [5, с. 158-159], новый экземпляр, согласно классификации, предложенной В. Зайбтом, следует отнести ко второму периоду правления Маврикия — 590-602 гг. (7, S. 65). Находка второй печати Маврикия в Херсоне, причем иного типа, вне всякого сомнения свидетельствует об особой заинтересованности имперской администрации в Херсоне на всем протяжении периода правления Маврикия Тиберия.

По всей видимости, к аналогичному типу печати, изданной И. В. Соколовой [1, с. 204, № 3] принадлежит и новый экземпляр моливдовула императора Фоки (8), датировка которого, как и для печатей Юстиниана, определяется в рамках всего периода правления императора Фоки, т. е. с 602 по 610 гг. [7, S. 65-67, № 10].

И заключает первую группу еще одна ранее неизвестная в Херсоне печать императора Ираклия (№ 9), тип которой относится к начальному этапу его правления — ок. 616 — 625 гг. [7, S. 67-68, № 11].

Моливдовулы императоров VIII-IX вв. ранее не были известны в Херсоне. Среди новых находок следует отметить появление одного из интересных памятников конца эпохи иконоборчества (№ 10) — фрагмент моливдовула императора Михаила III (842 — 867). Весьма примечательна датировка этой печати годом восшествия Михаила на престол [9, с. 37, рис. 70].

Вторая группа пополнилась еще одним экземпляром, который из-за плохой сохранности можно лишь предположительно отнести к печатям императора Константина

VII (№ 11). Н. П. Лихачев, издавший подобный моливдовул, предполагает для этого тиша печати, как и для предыдущей, датировку в пределах одного года — 945 г. [10, с. 251–252, № 9]. К сожалению, отсутствие на моливдовуле остатков какой бы то ни было надписи позволяет говорить лишь о вероятной принадлежности данного экземпляра Константину Багрянородному.

Анализируя полученные данные, невозможно не прийти к заключению, о том, что появление в Херсоне императорских моливдовулов в основном совпадает с узловыми моментами истории, когда городу уделялось особо пристальное внимание со стороны центральной византийской администрации.

На первый период (конец V — первая половина VII вв.) приходится самое большое количество печатей — 12 экземпляров (Анастасий, Юстиниан I, Тиберий Константин, Маврикий Тиберий, Фока, Ираклий). Очевидно, это не случайно.

Появление в Херсоне этой группы моливдовулов, вне всякого сомнения, необходимо связывать с активной политикой византийских императоров, которая характеризуется в этот период значительными мероприятиями по укреплению позиций Византии не только в самой Таврике, но и во всем Северном Причерноморье. Напомним, что именно к концу V в. Херсон становится важным стратегическим центром в системе византийских владений того времени. В значительной степени это было обусловлено неспокойной внешнеполитической обстановкой в регионе, в результате чего Херсону приходилось отражать практически постоянные нашествия варварских племен.

Особое отношение к Херсону со стороны имперских властей наблюдается еще со времени правления императора Зинона (457 — 475), когда в городе велись крупномасштабные работы по возобновлению крепостных стен [11, с. 45–60; 12, с. 7–15]. Вполне вероятно, что определенные фортификационные работы проводились и при Анастасии I. Не исключено, что появление его моливдовулов в Херсоне может быть связано с мероприятиями по укреплению северных границ империи в связи с вторжением в Таврику гуннских орд [13, с. 322], практически установивших свое господство над степной частью полуострова и оказавшихся в непосредственной близости от Херсона, о чем сообщают Прокопий Кессарийский и Иордан [14, с. 388; 15, S. 63].

В VI в. положение в регионе, надо полагать, мало чем отличалось от предыдущего столетия. Активная внешнеполитическая деятельность императора Юстиниана I была направлена на укрепление владений Византии в Таврике, в том числе в восточной части полуострова и даже на азиатском Боспоре, о чем свидетельствуют письменные источники и памятники эпиграфики [16, с. 249; 17, с. 56–60; 18, 1. с. 657; 12, с. 98–105], что требовало значительного усиления оборонной мощи византийских владений. В известной мере это касалось и самого Херсона, ставшего основным форпостом империи с Северном Причерноморье. Предпринятое Юстинианом огромное по масштабу крепостное строительство отмечено не только в сообщениях Прокопия [16, с. 249], но и подтверждается данными археологических исследований Херсонесского городища и, в частности, его оборонительных сооружений [19, с. 128]. Превращение наиболее крупных и стратегически важных поселений Таврики, таких как Эски-Кермен, Мангуп, Горзувиты, Фуллы, Алустон в византийские крепости при Юстиниане I означало завершение основных мероприятий империи по созданию *limes tauricus* на территории юго-западного нагорья, которое с этого времени стало основной базой византийского господства в Северном Причерноморье. Особая роль Херсона в деле защиты интересов Византии на северных рубежах империи в период формирования *limes tauricus* во многом объясняет появление в городе императорских булл.

Все эти мероприятия привели к определенной стабилизации внешнеполитической обстановки в регионе. А это в свою очередь способствовало экономическому подъему Херсона, выразившемуся в обильных выпусках городской монеты, подъеме ремесленного производства и развитии торговли, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные археологические материалы.

Экономическому оживлению, видимо, не помешала и появившаяся было очередная внешняя угроза. В начале второй половины VI в. в районах, непосредственно примыкавших к Северному Причерноморью, появились новые варварские племена аваров, двигавшихся под натиском тюрков из приволжских степей. К концу 60-х гг. они перешли Дунай и заняли Паннонию, где затем сложился Аварский каганат [20, с. 22 – 26]. Таврику они, по всей видимости, миновали. Однако вслед за аварами в начале 70-х гг. в Северное Причерноморье, а затем и в Таврику, вторглись полчища тюрков. Источники сообщают, что к 576 г. они уже оказались вблизи Боспора, осадили и взяли город [21, 45. S. 90; 22, с. 12]. А спустя несколько лет (581 г.) император Тиберий Константин уже сообщал аварским послам, что тюрки стали лагерем около Херсона, но захватить его не смогли [21, 64. S. 125 – 130; 23, с. 179]. Возможно, этой осложнившейся в регионе обстановке мы обязаны появлению в Херсоне императорской буллы Тиберия Константина, которая вполне может быть датирована рубежом 70-80-х годов VI века. С этими же событиями мы связывали и находку в Херсоне первой печати Тиберия Маврикия, датируемую самым началом правления императора — 582-583 гг. [5, с. 159].

Тюркская угроза в Крыму сохранялась практически до конца 80-х годов. И только неудачи в войне с персами и последовавший затем распад их державы создали возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных отношений с Византией [20, с. 39]. Заключение мирного договора, вне всякого сомнения, позволило византийской администрации в Таврике не только вернуть утраченные территории, но и возобновить мероприятия по усилению оборонной мощи своих владений в этой северной провинции империи. Прекрасной иллюстрацией этому является таманская строительная надпись, повествующая о восстановительных работах на Боспоре, которые проводил дук Херсона Евпатерий [24, с. 662 – 672]. Весьма примечательно, на наш взгляд, что установленная исследователями дата данного памятника — 590 г. [18, с. 82-85; 25, с. 244 – 250], вполне согласуется с находкой в 1996 году на территории херсонесской цитадели второй печати Маврикия Тиберия (7), которая относится к заключительному этапу правления Маврикия 590-602 гг. Быть может, ее появление в Херсоне связано с отправкой императорского указа дук Херсона о возобновлении строительных работ на возвращенных империи территориях Восточной Таврики. В пользу этого предположения, как нам представляется, свидетельствует и место находки моливдовула — цитадель Херсона, где в VI – VII вв. находились военный лагерь [26, с. 17] и, скорее всего, ставка городского правителя — дуки.

По всей вероятности, в дальнейшем Херсон некоторое время пребывал в относительно спокойной внешнеполитической обстановке и, несмотря на начавшийся в VII в. экономический спад во многих областях империи [27, с. 167-173], продолжал активно участвовать не только в товарообмене с окружающими его варварскими народами, но и в международной, черноморской торговле, о чем свидетельствуют и археологические материалы [28, с. 211 – 212; 29, S. 319 – 332; 30, с. 190 – 198], и находки печатей таможенных чиновников этого периода [31, с. 122 – 131].

После заключения мира с Персией (591 г.) арена основных военных действий с врагами империи перемещается в Западное Причерноморье, на Балканы. Однако в начале VII в. вновь возобновилась война с Персией, которая к 20-м гг. столетия захватила зна-

чительные территории империи и угрожала самой византийской столице. Кроме того, и внутри Византии не все было благополучно. Разразившаяся гражданская война сопровождалась восстаниями и государственными переворотами (602 и 610 гг.). Тем не менее, внимание к далекому Херсону со стороны имперских властей отнюдь не ослабевало. Об этом свидетельствуют находки двух экземпляров моливдовулов Фоки, один из которых был издан И. В. Соколовой [1, с. 204, № 3], а другой представлен в настоящей работе (№ 8) и печати Ираклия (№ 9). Судя по всему, Херсон и в первой половине VII в. остается крупным политическим и экономическим центром в Юго-Западной Таврике, что подтверждается продолжением выпуска собственной монеты и участием херсонских монетариев в денежной реформе императора Ираклия [32, с. 26, 29; 33, с. 106 – 108; 34, с. 25 – 26], находками таможенных и имперских печатей этого времени.

Следующий период истории византийского Херсона, к сожалению, представлен ничтожно малым количеством сведений, сохранившихся в источниках. Аналогичную картину дают нам и печати. Весьма любопытным, на наш взгляд, является отсутствие среди сфрагистического материала моливдовулов императоров конца VII – рубежа VIII–IX вв. Разумеется, причин тому может быть предостаточно. Напомним, что извечное стремление херсонских городских властей к самоопределению и независимости могло в какой-то мере повлиять на необходимость отправки в Херсон какой-либо императорской корреспонденции. Эта тенденция прекрасно отражена, например, в участии херсонитов в заговоре против императора Юстиниана II, когда для достижения своих целей горожане вынуждены были прибегнуть к помощи врагов — хазар [35, с. 64]. Возможно, отсутствие императорских печатей в этот период как-то может быть связано и с особым статусом управления городом местными муниципальными властями, во главе с протополитом (*«отцом города»* — Н. А.) и архонтами. Роль и значение последних еще и сегодня вызывает оживленную полемику среди исследователей [36, с. 82 – 97; 37, с. 137 – 145; 38, с. 155 – 170; 39, с. 95]. Накопленный за последнее время сфрагистический материал, на наш взгляд, дает достаточно оснований для пересмотра статуса этих чиновников и их принадлежности к местному муниципалитету. Но это отдельный вопрос, выходящий за рамки настоящего исследования.

Как показывают письменные источники и памятники сфрагистики, Херсон в VIII, самом начале IX вв. скорее всего являлся центром пограничной провинции с особым статусом управления, где сочетались и византийские, и хазарские интересы [38, с. 160 – 161]. Вместе с тем, на протяжении VII — VIII вв. Херсон все же был местом ссылки опальных лиц империи, что в известной мере говорит о его подчинении императорской власти [40, S. 97; 41, с. 201 – 202; 42, с. 31, 120; 43, с. 188; 35, с. 46, 69 (450.31 – 451.2)]. Но как бы там ни было, до настоящего времени пока не известно ни одной императорской печати этого периода. И как видно, лишь с организацией здесь фемы в город снова начинают поступать высочайшие распоряжения, свидетельством которых являются императорские моливдовулы, входящие в выделенную нами следующую группу.

Эта группа печатей, хронологические рамки которой охватывают период существования византийской фемы в Херсоне (вторая четверть IX — середина XI вв.), состоит лишь из 5 экземпляров моливдовулов (Михаил III, Константин Багрянородный, Феофано, Василий II и Константин VIII, Константин IX).

Как известно, с начала IX в. в Византии вновь начинает обостряться внешнеполитическая обстановка. Непрерывная война на западных, северных и восточных границах империи, восстание Фомы Славянина, охватившее практически всю Малую Азию, поглощали все силы византийских императоров. И положение Таврики какое-то время для них неизбежно оставалось на втором плане. Но и в самом Северном Причер-

номорье было далеко не спокойно. В результате вторжения в Причерноморские степи в начале IX в. мадьяр, а затем и печенегов власть хазар значительно ослабела. Это позволило византийской администрации усилить свою активность в Таврике и прежде всего в Херсоне. К началу 40-х гг. IX в. здесь была образована фема — военно-административный округ во главе с представителем центральной администрации — стратигом [44, с. 23 – 30; 45, с. 67; 46, р. 213 – 222]. С этого же времени проявляется значительная активность Древней Руси, князья которой совершили ряд походов в Таврику и Константинополь (839, 860, 867 гг.). Активность Руси в Северном Причерноморье отражена в целом ряде источников: житиях Георгия Амастридского, Стефана Сурожского, патриарха Игнатия, хрониках Продолжателя Феофана и Скилицы. Обострение внешнеполитической обстановки во второй четверти IX в. потребовало значительного усиления позиций Византии в Северном Причерноморье, что в конечном счете и привело к созданию фемы в Херсоне. Отправка в Херсон самой ранней печати этой группы — императорской буллы Михаила III (№ 10) может быть связана с возникшей «русской или мадьярской или какой-либо другой опасностью». Хотя, безусловно, не исключены и иные причины.

X век в истории Херсона характеризуется как период наивысшего расцвета. В это время он выступает не только как крупный ремесленный центр и торговый порт, но и как центр дипломатической и христианской миссий Византии в отношениях с окружающими его странами и народами [47, с. 101 – 102]. Его стратегическое и политическое значение для Византии в значительной степени возрастает именно в этот период. Это было обусловлено в первую очередь сложившейся к тому времени внешнеполитической обстановкой в Северном Причерноморье. На политическую арену выдвинулись новые силы, которые активизировались здесь уже в IX в. Господство печенегов и их роль в Северном Причерноморье к середине X в. достаточно подробно охарактеризованы Константином Багрянородным. Император подчеркивал важность мирных отношений с ними, а также с другими народами, которых следовало использовать в борьбе с врагами империи [48, с. 43 – 53]. Как правило, дипломатические сношения Византии с северными варварами совершались через Херсон. Достаточно вспомнить миссию к печенегам стратига Херсона патрикия Иоанна Воги (Вогаса) в первой четверти X в. [49, V. 10. P. 804.20 – 805.5, 807.19 – 808.3; 50, P. 386.23 – 387.7, 389.20 – 390.5; 51, P. 293.5 – 13, 295.18 – 296.2; 52, P. 201.51 – 202.55, 204.21–25; 53, P. 464.10 – 465.2; 54, 9. S. 72D]. В этой связи небезынтересным будет отметить высказанное Г. Моравчиком предположение о печенежском происхождении патрикия [55, с. 92]. Возможно, именно по этой причине сановник, имевший высший ранг патрикия, оказался не учтен А. П. Кажданом в иерархической лестнице представителей византийской знати [56, с. 53, прим. 8]. Надо полагать, назначение его стратигом в Херсон, где он осуществлял пограничный контроль за приготовлениями врагов и сообщал императору о намерениях соседствующих с ним варваров [54, № 9, S. 58], вместе с получением высокого придворного титула подтверждают чрезвычайность создавшейся внешнеполитической ситуации, вызванной войной с Болгарским царством.

В этот период Херсон продолжает играть важную роль и в дипломатических сношениях Византии с хазарами, несмотря на то, что их положение к этому времени резко пошатнулось. Теперь влияние в Таврике наряду с печенегами все больше и больше приобретает Киевская Русь. Именно борьба Византии с Русью за причерноморские владения, долгое время ведшаяся с переменным успехом, предопределила роль Херсона в русско-византийских отношениях. На претензии русских князей на значительные территории в Таврике недвусмысленно указывает договор Игоря с Византией 944/945 г.,

по которому империя все же сумела отстоять корсуньские земли [57, с. 37]. Не исключено, что с этими событиями может быть связана печать 9, которая предположительно отнесена нами к правлению Константина Багрянородного. Этот тип печати датируется Н. П. Лихачевым годом заключения указанного выше договора [10, с. 252, № 9].

К этому же периоду относятся еще две изданные ранее печати: моливдовулы августы Феофано (956 – 969) и императоров Василия II и Константина VIII (976 – 1025) [1, с. 204 – 205, № 4, 5]. Первая (весьма редкая среди сфрагистического материала Византийской империи) вполне вероятно также может иметь отношение к императорской корреспонденции херсонским властям в связи с какой-либо очередной дипломатической миссией. Достаточно припомнить посольство сына херсонского протевона патрикия Калокира на Русь, к князю Святославу [52, Р. 176 – 177, 288, 295; 53, Р. 513, 522 – 523, 527; 58, Р. 63, 77 – 79, 134]. Не исключено, что императрица, сыгравшая роковую роль в жизни своего супруга, могла вести и активную политическую деятельность, благодаря чему мы имеем находку ее печати в Херсоне.

После смерти Святослава в 971/972 г. вновь был заключен русско-византийский договор, носивший уже ярко выраженный провизантийский характер. Это, естественно, не могло не сказаться на положении Руси в Таврических степях и на самих отношениях Византии с Киевским княжеством, что вскоре привело к крайнему напряжению русско-византийских отношений. Новый договор, заключенный Василием II с Владимиром в 987/988 г. в связи с восстанием Варды Фоки, обещал снять возникшую напряженность и практически восстановить утраченные Русью позиции в Северном Причерноморье. Однако император после подавления восстания не спешил исполнить свои обязательства, что и послужило поводом к новой войне. Владимир предпринял поход на Херсон, осадил и взял город. И кто знает, может быть, найденный в Херсоне моливдовул с изображениями Василия II и Константина VIII [1, с. 204 – 205, № 5] имеет самое прямое отношение к этим событиям, когда в Херсон во исполнение условий договора прибыла царица Анна и состоялось ее венчание с русским князем?

Русско-византийская война конца X в. не могла, конечно, не отразиться и на самом Херсоне. Несмотря на то, что город был возвращен Византии и в нем была восстановлена имперская администрация, обещанных свобод, очевидно, так и не последовало. Византии было не до Херсона: с севера опять надвигалась болгарская угроза. вполне возможно, что восстание херсонитов в 1016 г. в первую очередь было направлено против жесткой политики центральной администрации в отношении города, который вместо ожидаемых привилегий после похода князя Владимира наоборот получил усиление административного, а может быть и фискального гнета Константинополя. Такое положение дел естественно не могло не затрагивать интересы местных аристократических кругов, среди которых особо выделялось семейство Цулы, возглавившее восставших. Последовавшие в связи с этим события, снаряжение военной экспедиции в Таврику для подавления мятежа и восстановления византийской власти, как нельзя лучше свидетельствуют о сохранении прежнего имперского интереса к этому стратегически важному региону.

И все же события конца X — начала XI вв., связанные с походом киевского князя Владимира на Корсунь (Херсон) и восстанием херсонитов в 1016 гг., а также начавшийся в это время кризис феодального строя, не могли не отразиться на отношениях Херсона с центром. Находки печатей императоров Василия II и Константина VIII, а также Константина IX — безусловное свидетельство того, что в первой половине XI в. город все еще был включен в сферу имперских интересов и, видимо, продолжал играть немаловажную роль для империи. Надо полагать, явным признаком этого явля-

ется тот факт, что именно с конца X в. не только херсонские стратиги имеют высокие придворные титулы и звания, такие как протоспафарий, протоспафарий-хрисотриклит и патрикий, но и представители местной городской верхушки удостоиваются высоких титулов и чинов византийских вельмож X-XI вв., вполне соответствовавших рангу руководителей фемной администрации [38, с. 168].

Судя по немногочисленным письменным источникам, памятникам сфрагистики и эпиграфики в первой половине XI столетия Херсон все еще считается центром византийских владений в Северном Причерноморье. В присоединении к нему Сугдеи в середине XI в. [18, II, с. 184 – 188], вероятно, можно усматривать даже расширение подвластной ему территории на восток Таврики и определенное усиление позиций Византии, а соответственно и его собственного положения. Источники свидетельствуют, что и к концу столетия Херсон все еще остается верным защитником интересов империи и, как в былые времена, является местом ссылки неугодных императору особ и даже открытых бунтовщиков и претендентов на престол [59, с. 266; 60, с. 56-73].

Как показывает анализ данных моливдовулов херсонской родовой знати X-XI вв. [61, с. 10 – 13], на всем протяжении рассматриваемого периода деятельность местной администрации находилась под постоянным контролем государственной власти и перестраивалась в соответствии с изменениями ситуации в регионе. Стремление любыми путями сохранить контроль над северными областями в своих руках, видимо, вынудило византийское правительство искать новые пути в решении старой проблемы: традиционного стремления Херсона к самостоятельности. Судя по всему, это нашло отражение и в изменении кадровой политики в управлении провинцией, и в раздаче высоких придворных чинов представителям местной администрации, и в сохранении вплоть до XI в. отдельных элементов городского самоуправления [38, с. 168 – 169]. Тем самым Византия, должно быть, осуществила компромиссный вариант решения всех острых вопросов, подчеркивая права на подвластную ей территорию и одновременно с этим отмечая определенную значимость местного управления.

И все же с конца XI столетия Херсон, похоже, все больше и больше отходит от метрополии и живет своей собственной жизнью. Раздираемая на части внешнеполитическими и внутренними проблемами, Византия все реже и реже могла оказывать какое-либо существенное влияние на далекую заморскую провинцию. Ее со всех сторон теснили враги: печенеги и сельджуки — с востока, норманы — с запада. Во второй половине XI в. в Причерноморье вторглись половцы, подчинившие, по сообщению Идриси, к середине XII в. всю южную Таврику. К этому же времени относится и упадок византийской торговли в черноморском регионе, нашедший отражение и в составе денежного обращения Херсона. Во второй половине XI-XII вв. наблюдается значительное сокращение притока византийской монеты на рынок Херсона и его округа [47, с. 157 – 163]. Договор Византии с Генуей 1169 г., подтвержденный в 1192 г., сделал генуэзцев полноправными хозяевами морской торговли на Черном море. А в самом конце XII столетия новый договор с Венецией (1198 г.), по всей видимости поставил окончательную точку в процессе отхода византийских владений в Таврике от империи. Надо полагать, императорам было не до Херсона и с конца XI в. они уже не устаивали городские власти своей корреспонденцией. По крайней мере, печати императоров поздневизантийского времени в Херсоне пока не найдены. В начале XIII в. город вошел в сферу интересов Трапезундских Комнинов [62, р. 170; 63, с. 168 – 169]. Их верховенство над юго-западной Таврикой отразилось даже в титуле. Императоры Трапезунда, кроме всего прочего, именовали себя властителями «Заморья» [64, с. 42 – 63; 47, с. 95]. Определенным подтверждением этому, очевидно, является заключительная

группа херсонских императорских моливдовулов, объединяющая три печати Трапезундских императоров, одна из которых принадлежит Мануилу II Комнину (1332 г.), а две другие не атрибутированных императоров, датируемые около 90-х гг. XIII — первой половиной XIV вв. [1, с. 204 — 205, 7 — 9].

Находки моливдовулов Великих Комнинов XIV в. в Херсоне вне всякого сомнения указывают на вхождение города в сферу политических, а возможно, и экономических интересов Трапезундской империи и подтверждают наличие тесных связей Херсона со своим южным соседом, а также свидетельствуют об определенной заинтересованности последнего в этих отношениях, так как от этого зависело поступление ежегодных податей от Херсона и Климатов [65, с. 117; 66, с. 51; 64, с. 61, прим. 72], что в известной мере пополняло государственную казну империи.

Новые находки императорских моливдовулов на территории Херсонесского городища, возможно, внесут свои коррективы в предложенную нами модель развития взаимоотношений византийского двора с Херсоном. Но несомненным останется одно — практически на всем протяжении средневековой истории Херсонес (Херсон-Корсунь) постоянно находился в центре внимания византийского двора, долгое время являясь основным политико-административным и торгово-экономическим центром империи в Северном Причерноморье. Даже в эпоху заката он по-прежнему оставался опорным пунктом в Таврике своего нового сюзерена — Трапезундской империи.

Очевидно, именно с этой важной ролью Херсона и может быть связано появление находок императорских моливдовулов на территории Херсонесского городища, продолжение исследования которого, надеемся, позволит сделать новые интересные и ценные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ.— 1991.— Т. 52.
2. ОАК за 1891 г.— СПб, 1893.
3. Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ.— 1939.— № 1.
4. ОАК за 1895 г.— СПб.— 1897.
5. Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.— Симферополь, 1995.
6. Alexeenko N. Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона // BYZANTIUM: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications.— Copenhagen, 1996.
7. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich.— Wien, 1978.— Т. 1.
8. Шандровская В. С. Сфрагистика // Искусство Византии в собраниях СССР.— М., 1977.
9. Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров.— М., 1911.
10. Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока.— М., 1991.
11. Берьтге-Делагард А. Л. Надпись времен императора Зинона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД.— Одесса, 1893.— Т. 16.
12. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России.— Спб., 1896.
13. Васильев А. А. Готы в Крыму. I. // ИРАИМК.— 1921.— Т. 1.
14. Прокопий Кесарийский. Война с готами.— М., 1950.
15. Iordanis Getika. V, 37. // Monumenta Germaniae Historica.— Berolini, 1882.— Т. 5.

16. Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ.— 1939.— № 4.
17. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг. // МАР.— 1895.— Вып. 17.
18. Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ.— 1894.— Т. 1; 1895.— Т. 2.
19. Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Херсонесский сборник.— 1996.— Вып. 7.
20. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар.— Л., 1936.
21. Menandri Fragmenta // Historici graeci minores / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1871.— Т. 2.
22. Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ.— 1896.— Т. 3.
23. Кулаковский Ю. А. К истории готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП.— 1898.— Февраль.
24. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК.— 1906.— Т. 18.
25. Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД.— Одесса, 1898.— Т. 21.
26. Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексильи и фемы Херсона // Херсонесский сборник.— 1997.— Вып. 8.
27. Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв. // СА.— 1954.— Т. 21.
28. Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон (Отражение в источниках основных функций города) // АДСВ.— 1992.— Вып. 26.
29. Романчук А. И. Торговля Херсона в VII—XII вв. // Byzantinobulgarica.— 1981.— Т. 7.
30. Айбабин А. И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА.— 1982.— № 3.
31. Алексеенко Н. А. Моливодовулы адресантов Херсона VII—XI вв. Новые находки // Древности 1996.— X., 1997.
32. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона.— Л., 1983.
33. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса.— К., 1977.
34. Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов.— М., 1995.
35. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора.— М., 1980.
36. Соколова И. В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ.— Белград, 1978.— Т. 18.
37. Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ.— 1993.— Т. 3.
38. Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ.— 1996.— Т. 5.
39. Cheynet J.-Cl. L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым».— Симферополь, 1997.
40. Ostrogorsky G. A. Geschichte des byzantinischen Staates.— Munchen, 1952.
41. Кулаковский Ю. А. История Византии.— СПб., 1996.— Т. 3.
42. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсона в VI—X вв. // Памятники христианского Херсонеса.— М., 1908.— Вып. 3.
43. Васильев А. А. Готы в Крыму. II. // ИГАИМК.— 1927.— Т. 5.
44. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996.— X., 1997.
45. Науменко В. Е. Византийская фема в Юго-Западной Таврике в IX—X вв. // Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым».— Симферополь, 1997.

46. Zukerman C. Shot notes. Two notes on the Early History of the Thema of Cherson // *Bizantine and Modern Greek Studies*. 1997. Vol. 21.
47. Богданова Н. М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // *Причерноморье в средние века*. — М., 1991.
48. Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989.
49. Georgii Monachi Chronnicon / Rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1904. — Vol. 1.
50. Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1838.
51. Leonis Grammatici Chronographia / E rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1842.
52. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thum. — Berolini; Novi Eboraci, 1973.
53. Ioannis Zonarae Epitome hiatoriarum / Ed. Th. Buttner-Wobst. — Bonnae, 1897. — Vol. 3.
54. Nicholas I, patriarch of Constantinople. Letters / Ed., trans. by R. Jenkins, L. Westerink. — Washigton, 1973.
55. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. 3 Aufl. — Berlin, 1983. — Bd. 2.
56. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. — М. 1974.
57. Повесть временных лет (текст и перевод). М.;Л., 1950. — Ч. 1.
58. Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem. — Bonnae, 1838.
59. Анна Комнина. Алексиада. — М., 1965.
60. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — К., 1914.
61. Алексеев Н. А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым». — Симферополь, 1997.
62. Eodem. Recherches sur le commerce Genoïse dans la mer Noire au XIII s. — Paris, 1929.
63. Васильевский В. Г. Труды. — Петроград, 1915. — Т. 3.
64. Богданова Н. М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока. — М., 1985. — Ч. 1.
65. Пападопуло-Керамевс А. И. Сборник источников по истории Трапезундской империи. — СПб., 1897. — Т. 1.
66. Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. — Л., 1929.

SUMMARY

Besides records in written sources and monuments of epigraphics, one of the factors depicting a special interest of the Byzantine administration to Cherson is findings of imperial seals.

Analysis of findings of imperial molivdovuls in Cherson lets define three periods within which the city was given the greatest attention from the part of the Byzantine Court-Yard.

1. The end of the V — the beginning of the VII century — 8 specimens (Emperors: Anastasiy, Yustinian I, Mavrikiy Tiberiy, Foka, Irakliy).

2. The second part of the XI — the middle of the XII century — 5 specimens (Emperors: Michail III, Konstantin Bagryanorodnyi, Feofano, Vasily II and Konstantin VII, Konstantin IX).

3. The first part of the XIV century — 3 specimens (Emperors: unknown, Manuil II Komnin).

The appearance of the first group is surely connected with the active policy of Byzantium in Tavrika, when a great number of measures were undertaken to strengthen Emperor's positions in the North Coasts of the Black Sea.

The second group is connected both with the period of the highest blossom of Cherson and with the period of aggravation of the foreign policy near the Northern boards of Byzantium. Nevertheless the findings of the seals of Vasiliy II and Konstantin IX witness that during the beginning of the XI century Cherson was still included into the sphere of imperial interests.

Starting with the second part of the XI century Byzantium almost couldn't impact the distant overseas province. Considerable change in the region's foreign policy preconditioned some independence of Kherson and further on it caused even the change of Kherson's political orientation. The seals of the third group witness this fact.

The findings of molivdovuls of Trapezundskiy Komnin found in Kherson prove once again the presence of contacts with its neighbor from the south and its interest to these links. In its turn this fact shows that even during the period of its decline Cherson remains an important base of the Trapesund Empire in the North Coast of the Black Sea.

